

Согрей мое сердце

Автор:

[Кейтлин Крюс](#)

Согрей мое сердце

Кейтлин Крюс

Любовный роман – Harlequin #662

Брак Холли Холт и Тео Цукатоса был скоропалительным, а вскоре Холли заявила мужу, что изменила ему, и уехала. Тео мучительно переживал предательство Холли и ненавидел ее. Когда спустя четыре года она потребовала встречи, он выбрал Барселону, чтобы отомстить ей, – ведь там они провели медовый месяц...

Кейтлин Крюс

Согрей мое сердце

Caitlin Crews

GREEK'S LAST REDEMPTION

© 2015 by Harlequin Books S.A. Greek's Last Redemption

© «Центрполиграф», 2016 «Согрей мое сердце»

© Перевод и издание на русском языке,

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

Бизнесмен Тео Цукатос недовольно нахмурился, когда двери кабинета распахнулись. Он распорядился, чтобы его не беспокоили. Обычно подчиненные не рисковали идти против воли босса, зная, чем это чревато.

Похоже, он все больше и больше становится похож на своего отца, которого все боятся. Впрочем, это не проблема, пока его боятся конкуренты. Упаси его боже стать похожим на отца в личной жизни!

«Никогда, – поклялся он, как когда-то в детстве. – Я не допущу, чтобы это произошло».

– Надо думать, мы горим? – едко осведомился Тео у своей секретарши, решительно вошедшей в кабинет. Он неодобрительно взглянул на нее. – Или пожар только начинается?

– Насколько я знаю, ни то ни другое, – невозмутимо отозвалась миссис Пападопулос, на которую его агрессивность не произвела никакого впечатления. Секретарша Тео чем-то напоминала его тетю Деспину. И точно так же любила его, как сына, что означало гарантированное отсутствие проблем. – Но еще не вечер.

Тео нетерпеливо вздохнул. Он был с головой погружен в работу, готовя предложения по новой стратегии компании. Сегодня ему предстояло провести очень важную встречу, заменив отца, поскольку хитрый старый лис Деметриус Цукатос был больше озабочен своим ухудшающимся здоровьем, чем семейным бизнесом. Тео выглянул из окна кабинета, откуда открывался вид на Афины. Постепенно убыстряющийся сумасшедший ритм самого крупного города Греции служил ему напоминанием о том, что все, набравшее силу, однажды может рухнуть, но поднимется вновь, став сильнее, чем прежде.

Таково было негласное кредо семьи Цукатос. Этим был пропитан каждый дюйм башни «Цукатос», в которой сейчас находился Тео. Эта башня являлась внушительным доказательством дальновидности его отца, судостроительного магната, и непреходящего успеха их бизнеса перед лицом бесчисленных проблем, начиная с заклятых врагов и заканчивая мировыми экономическими проблемами.

Сейчас башня служила символом растущей репутации Тео как бесстрашного бизнесмена, способного принимать нестандартные решения. Игроки, выбирающие путь с минимальным риском, пополняют ряды банкротов. Такая участь не должна постигнуть флот Цукатосов. Пусть в двадцать лет Тео вел себя так, как свойственно большинству избалованных наследников-шалопаев, но последние четыре года он посвятил тому, чтобы доказать, что может быть таким же опасным противником, как и его отец.

Похоже, в этом он преуспел. Свирепая жажда подвигов и стремление к успеху были заложены в нем генетически. Это было у него в крови, как говорил отец.

Тео решил, что может позволить себе быть беспощадным в бизнесе, поскольку это качество служит ключом к победам. Правда, его личная жизнь пока представляла собой хаос, но по совсем другим причинам. «Пусть я несчастлив, – приходилось ему внушать себе чаще, чем хотелось бы, – но я не лжец, обманщик или лицемер».

Тео окружало множество людей, о которых он не мог сказать то же самое.

Он недовольно посмотрел на миссис Пападопулос, когда она остановилась напротив его стола. Она ответила боссу только ей свойственным сдержанным взглядом, выражающим непреходящее осуждение, которое доставляло ему какое-то извращенное удовольствие. Секретарша была ходячей версией пресловутой власяницы, а Тео принадлежал к тем людям, которые предпочитают не распространяться о своих грехах.

– Это ваша жена, – отрывисто произнесла миссис Пападопулос.

Сердце в груди Тео забило с оглушительной силой. Он не сомневался, что это слышит и секретарша.

Его жена.

Холли.

Тео настолько привык к вспышке гнева при упоминании этого имени, что едва заметил ее.

Прошло почти четыре года с тех пор, как он в последний раз видел свою заблудшую жену. Четыре года с тех пор, как они находились в одном помещении, более того – в одной стране. Четыре года с тех пор, как он ласкал ее, выпитывал ее вкус, забывался в ней. Что никогда не повторится, холодно напомнил себе Тео, поскольку четыре года назад всплыла истина. И их брак превратился в фарс.

«Не я выяснил правду о ней, – с холодным бешенством подумал Тео. – Она сама призналась»

Но, помоги ему боже, он не может позволить себе снова ступить на темную тропу. Не сегодня. И не здесь, где есть место только для бизнеса, где его знают как человека, умеющего сохранять холодное спокойствие под любым давлением.

Уже давно следовало оставить это в прошлом. Однако же Тео с трудом заставил себя глубоко вздохнуть, разжать кулаки, расслабиться и сделать вид, что эти слова не произвели на него никакого впечатления.

– Если это моя жена, то я не просто занят. Мне это неинтересно, – сказал он, не сдерживая рвущийся наружу гнев. – Вы прекрасно знаете, миссис Пападопулос, что не стоит отвлекать меня по пустякам. Предложите моей жене оставить сообщение на голосовой почте или прислать мне электронное письмо. Впрочем, я не обещаю слушать или читать...

– Сэр. – Тео не знал, что удивило его больше: что она осмелилась перебить его, или то, что строгая, но исполнительная секретарша не сдвинулась с места. – Она утверждает, что у нее срочное дело.

Последнее, о чем Тео хотел думать сегодня – и всегда, – это Холли. Кое-кто мог бы отозваться о ней как о его возмездии, и в самые мрачные моменты своей

жизни он был согласен с этим, поскольку женился на лгунье, вероломной твари в прекрасном обличье.

Печальная правда состояла в том, что значительную часть каждого дня он проводил, стараясь не думать о Холли. В утренние часы Тео вымещал свою нескончаемую ярость на груше или на случайном противнике во время спарринга. Он проезжал бесконечные мили на велотренажере. Не думая о ее предательстве, в котором Холли призналась так обыденно, – с каким-то туристом, чье имя она даже не запомнила. Не представляя эти сцены, от которых к горлу подступала тошнота, – словно измена произошла у него на глазах. Не спрашивая себя, как он допустил, чтобы его одурачили...

Четыре года Тео жил исключительно семейным бизнесом, лишь бы не думать о женщине, на которой он женился, как дурак, а она испоганила ему жизнь. Она сделала его посмешищем. Это причиняло боль, хотя, казалось, это невозможно, поскольку Холли вырвала у него сердце. Более того, она вынудила его повторить обреченный на неудачу брак родителей, который Тео не мог им простить, как ни пытался.

Четыре года он направлял все свои силы и эмоции на борьбу с конкурентами и на упрочение успеха компании, несмотря на непреодолимые трудности и непростые времена.

Давно уже не было Тео Цукатоса, испорченного и избалованного плейбоя, за которым тянулся шлейф любовниц.

Но Холли оставалась доказательством его провала, его напрасно прожитой молодости. Тогда он был бесконечным разочарованием для отца и несмываемым пятном на фамилии Цукатос.

Тео не хотел вспоминать, как, не помня себя, он с головокружительной быстротой подпал под чары ошеломляющей блондинки из Техаса, которая изображала обожание с первой встречи. Она равнодушно и жестоко предала его спустя всего лишь шесть месяцев после свадьбы, которую он – слепец! – считал романтической именно потому, что все произошло очень быстро.

Ему некого винить, кроме себя.

Как-никак, его все предостерегали и даже приводили доказательства. Все, за исключением Тео, разглядели в очаровательной и наивной Холли Холт, колесившей по Европе после смерти отца, ее истинную сущность. Очередная американка с расчетливым взглядом, охотящаяся за богатством, она была готова вцепиться бульдожьей хваткой в подвернувшуюся ей крупную добычу.

Тем летом на Санторини такой добычей оказался Тео.

«Ты мой преемник и наследник состояния Цукатосов, – сурово внушал ему отец. – Эта девчонка никто. Это всего лишь курортный роман, Тео. Ты обязан это понимать!»

Его отец и брат Брэкс объединили усилия, чтобы убедить Тео не быть идиотом. Но он не собирался прислушиваться к советам мужчины, причинившего страдания его матери своими связями на стороне, не говоря уже о младшем брате, которого Тео считал ребенком.

Когда стало очевидно, что он действительно полный идиот, они стали просить его принять меры, чтобы обезопасить состояние семьи, будущее, компанию – просто на всякий случай, раз уж он думает не головой, а тем местом, что у него в штанах... Тео остался глух ко всему. Он жил, не думая ни о ком и ни о чем, кроме себя, превыше всего ставя собственное удовольствие.

Ни о ком, кроме себя и одной фигуристой блондинки. У нее была такая теплая, такая открытая улыбка, какой он не видел ни у кого, и Тео потерял голову. А оказалось, что под милой оболочкой скрывалось лживое сердце.

Вот она, расплата за импульсивность. Его кара. Тео продолжал цепляться за брак с единственной целью – отказать ей в удовольствии получить развод, несмотря на то, как Холли обошлась с ним, а затем без всяких угрызений совести заявила об этом, глядя ему в лицо.

Прошло почти четыре года с тех пор, как они поспешно поженились, но Тео думалось, что ярости, продолжающей полыхать в нем, может с лихвой хватить и на десять лет. И пусть он больше не желает Холли, пусть он поклялся, что скорее бросится в море со скал Санторини, чем позволит ее ведьмовским чарам вновь опутать его. Но он вернет ей свободу не раньше, чем она станет умолять его об этом.

Умолять на коленях, и не раз, пока он не сочтет, что они квиты. Он обычный человек, и ничто человеческое ему не чуждо: око за око, унижение за унижение.

– У моей жены склонность превращать малейшую незадачу в полномасштабную катастрофу, – язвительно бросил Тео, выплескивая злость на свою несгибаемую секретаршу и подавляя угрызения совести при виде того, как она вздрогнула. Он напомнил себе, как всегда в таких случаях, что платит ей приличные деньги, чтобы хотя бы так компенсировать перепады своего настроения. Жаль только, что он не проявил больше осмотрительности, выбирая жену. – К тому же ее срочные дела обычно касаются кредитной карты.

– Мне кажется, сейчас все иначе, мистер Цукатос.

Тео стремительно терял последние крохи терпения, а это качество никогда не входило в число его достоинств. О чем всем было прекрасно известно. Ему не нравилось говорить о Холли, тем более что это напоминало о его браке и неприглядной правде, в глаза которой он позволял себе смотреть разве что в тренажерном зале. Он заметил, как в его электронном ящике растет количество поступающих писем, ему еще нужно подготовиться к встрече. У него нет времени на персональное проклятие и связанную с этим какую-нибудь очередную махинацию.

– Разве? – спросил Тео и пожал плечами. – Вы поверили, потому что это сказала вам она? Она всегда так говорит.

– Потому что она включила камеру. – Миссис Пападопулос положила планшет в центр стола. – Пожалуйста. – Она отступила, и голос ее был таким же стальным, как и взгляд, которым она его наградила. – Сэр.

Тео моргнул, затем перевел взгляд на планшет, на котором застыло изображение Холли. Он взглянул на него с опаской, словно она могла выпрыгнуть из экрана и вонзить ему в спину очередной кинжал. Который, без сомнения, вошел бы еще глубже. Возможно, это был бы завершающий, смертельный удар...

Тео понадобилось несколько секунд, прежде чем он вспомнил о присутствии миссис Пападопулос.

Он махнул рукой. Конечно, видеозвонок – это другое.

Правда, когда речь шла о Холли, «другое» не сулило ничего хорошего. «Другое» означало кругленькую сумму, и все всегда кончалось тем, что Тео раскошеливался.

К настоящему моменту она была его самой дорогой ошибкой. Из всех глупостей его беспечно-бездумной молодости Холли Холт, с широкой улыбкой и заразительным смехом, от которых Тео растаял, как снег на солнце, стала самой серьезной, о чем он сожалел больше всего.

Сожалел каждый день, и не важно, позволял он себе о ней думать или нет.

«Прекрати дергаться», – велел он себе, неприязненно глядя на планшет, лежащий на полированной поверхности огромного стола.

Тео решил было закончить разговор, не начав его, что ему и следовало сделать, но ее изображения оказалось достаточно, чтобы парализовать его волю. Оно было неподвижным и немного размытым, но ее власть над Тео по-прежнему была сильна.

Можно ненавидеть себя за слабость сколько угодно, но это ничего не изменит.

Сейчас Холли не была похожа на готовый распуститься бутон, только намекающий на великолепие будущего цветка. Такой она была, когда они познакомились, – обласканная солнцем нетронутая красота, которую он находил пьянящей. Завораживающей.

Тео смотрел на застывшее изображение, словно пытался отыскать в нем ключ к пониманию ее истинной сущности. Исчезла ее буйная шевелюра, ковбойские ботинки, про которые она однажды сказала, что любит их больше всего на свете, ее открытое и безмятежное выражение лица, выделяющее Холли среди толпы.

Она стала стройнее. Ее соблазнительные формы, которые когда-то могли вызвать сочный скандал из-за едва прикрывавшего их бикини, превратившие его почти в раба, сейчас граничили с худобой. Блестящие золотистые волосы были

беспощадно зачесаны назад и стянуты в безупречный хвост. Минимальный макияж был лишен вызывающе ярких цветов. На Холли было, по его мнению, потрясающее платье, основой фасона которого послужила вечная классика с ее, опять-таки на его взгляд, недооцененной элегантностью. Оно прекрасно подходило новой версии Холли.

Прежней Холли Холт больше не было. Тео даже засомневался, а существовала ли она вообще?

Ее место заняла эта женщина. Эта дама с продуманными до мелочей деталями облика. Холли Цукатос, ставшая рьяной филантропкой благодаря деньгам своего мужа, которые всегда были в ее распоряжении. Тео усмехнулся Холли Цукатос, которая заставила заговорить о себе как о жене, с достоинством переносящей отчуждение одного из самых знаменитых европейских плейбоев. Знакомства с ней искали все чаще по мере того, как Тео превращался в опасного и успешного бизнесмена.

«Я ее ненавижу», – твердо сказал себе Тео.

Он презирал себя за то, что у него было столько же сил противостоять этой не знающей удержу ни в чем, малокультурной, но восхитительной красотке, покорившей такого опытного ловеласа, как он, за какую-то неделю, сколько у комара.

Но, конечно, та Холли была фикцией. Почему бы ему это наконец не уяснить? Ее никогда не было. Та Холли существовала только в виртуозно разыгранном спектакле, который сыграла для него. Его погрязшая в грехах женушка, старательно изображающая утонченную Снежную королеву и живущая за его счет, – вот настоящая Холли. Глядя на ее застывшее изображение, Тео признался себе в том, что ему не нравится вспоминать жестокую правду. Это была одна из причин, почему он общался с ней редко и только по телефону.

Вторая причина – его вспыльчивый характер. Холли умела взбесить его за считанные доли секунды, причем вроде бы без малейших усилий с ее стороны. Но Тео замуровал в себе черное пламя, порожденное ее изменой, сжигающее его изнутри, и вернул контроль над собой. Он предпочтет умереть, нежели показать ей нечто большее, чем неприязнь. Чем холоднее и отстраненнее он себя поведет, тем лучше.

Тео нажал на кнопку, чтобы вернуть застывшему изображению подвижность, и, позволив раздражению окрасить его голос, отрывисто бросил вместо приветствия:

- Что тебе надо? - Он был намеренно груб, но даже это не могло обуздать ярость, разъедавшую его душу, подавить инстинктивное желание уколоть ее хоть чем-то. - Ты наконец сумела сделать меня банкротом?

Видеозвонок был серьезным тактическим просчетом.

Холли поняла это, как только экран перед ней ожил. Ее смелость и решимость - и, что было гораздо хуже, голос - почти мгновенно исчезли. Кошмарная ошибка... Впрочем, не первая, связанная с этим мужчиной.

Она оказалась не готова увидеть его почти невозможное совершенство. Никогда не была к этому готова.

Тео занял весь ее огромный монитор - крупный мужчина с мрачным лицом и необыкновенно красивый. Красота его была особой - диковатой. Он тут же ворвался в ее одинокую жизнь, наполнив все силой и страстью...

И он по-прежнему был на нее зол.

Бушующая в нем ярость, не знающая прощения и милосердия, была так же ощутима, как хлесткий удар порывистого ветра в лицо. И слова тоже причиняли боль - резкие, они били наотмашь.

Холли слышала эту ярость в голосе Тео во время их нечастых, почти враждебных, телефонных разговоров, касающихся ее намеренно непомерных счетов. Она звонила примерно раз в три месяца, и времени для настоящего разговора у Тео никогда не было.

Но сейчас Холли могла видеть его ярость - она полыхала в его глазах, таких же черных, как кофе, который Тео готовил для нее в первые дни их недолгого брака. До того, как она сама все погубила.

Ярость чувствовалась даже в его твердом, словно отлитом из стали, подбородке. Дрожь охватила молодую женщину. Наверное, стоит порадоваться, что их разделяют шесть тысяч миль.

Но, кроме того, Холли видела жаркое, темное обещание, таящееся в глубине его глаз, обещание, которое не могла скрыть даже ярость.

«А что ты ожидала? – раздавшийся в голове голос был очень похож на голос ее дорогого отца, упокой господи его душу. – Он ненавидит тебя. Ты сама об этом позаботилась. Вот что происходит, когда уходишь».

Ей следовало бы знать об этом лучше других: она долгие годы жила вдвоем с отцом. Ее мать их бросила, когда Холли была малышкой. Конечно, страдающий отец не говорил, что ненавидит жену. Он утверждал, что горюет, что продолжает ее любить. Но для Холли их жизнь была, как незаживающий ожог.

И вот сейчас она смотрит на пламя ненависти, которое сама и разожгла.

Тео сидел в элегантно обставленном кабинете, откинувшись на спинку кожаного кресла. Его густые темные и достаточно длинные волосы были взъерошены – как и четыре года назад. Но он как будто стал красивее. В те далекие дни Тео казался ей похожим на бога, со своим поджарым, мускулистым телом. Одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть скрытую в нем силу. Белоснежная рубашка обрисовывала его плечи, восхитительную грудь и – Холли не забыла – подтянутый живот. Он выглядел внушительно, а клокотавшая внутри ярость только подчеркивала его непохожесть на других и яснее любых слов предупреждала, насколько опасным противником он может быть. Холли снова себя возненавидела.

За то, что сделала. Точнее, за то, что сказала. За тот хаос, в который превратился ее необдуманный поспешный брак с этим человеком, и за унылую пустоту, образовавшуюся в душе после разрыва. В ней жило теперь только одно чувство – всепоглощающее, горькое сожаление. Оно было ощутимым, липким и так сжимало горло, что становилось тяжело дышать. Холли даже казалось, что когда-нибудь она задохнется.

При взгляде на Тео ей захотелось податься вперед, дотронуться до экрана и ощутить тепло его гладкой оливковой кожи. Захотелось провести пальцами по

его густым волосам, слегка завивающимся на концах, что всегда заставляло ее глупеть от желания. Захотелось прижаться к его полным, творящим чудеса губам, почувствовать их солоноватый вкус и ощутить почти болезненное желание утолить жестокий чувственный голод.

Но путь к этому извилист и труден – в этом сомневаться не приходилось. Путь к Тео наверняка обнажит старые раны и заставит их кровоточить. А это значит – снова пережить боль. Однако жить так невыносимо. Необходимо что-то предпринять.

Холли казалось, что она знает, как тяжело ей придется, но так было, пока она не увидела Тео. Хотя его образ был жив в ее памяти все эти годы, эффект от общения вживую был подобен удару в живот.

Его лицо, хотя и на экране, ослепило ее так же, как и в первый раз. Это произошло в небольшом ресторане на Санторини. Она неспешно пила кофе после обеда, не догадываясь, что ее жизнь вот-вот круто переменится. Он присел рядом с ней.

Мужчина из грез, ставший явью, – опасный, сексуальный...

– Холли!

Его низкий, нетерпеливый голос проник в ее мысли. Тело женщины ожило, задрожало. Она порадовалась, что Тео не может видеть ее реакцию, последовавшую автоматически, независимо от ее воли. Холли безотчетно сдвинула колени и поджала пальцы ног. Но самым тревожным было то, что в ней мгновенно вспыхнула искорка безумной надежды на то, что все можно исправить, вспыхнула вопреки холодному голосу здравого смысла.

– У меня нет времени, – между тем продолжал Тео. – Но даже если оно и было, мне нечего тебе сказать.

Его губы слегка скривились в подобии улыбки без тепла, но даже она не уменьшила его привлекательности. Как раз наоборот.

Как соблазнительна была мысль забыться, разорвать внутренние цепи и сказать наконец всю правду, пусть даже он не поверит ни одному слову. За эти годы Холли использовала все доступные ей средства, чтобы заставить Тео отпустить ее. Свободы она не добилась, зато теперь он ненавидит ее всеми фибрами души. Поэтому нужно вспомнить, какую карту необходимо сейчас разыграть, иначе она потерпит поражение, не успев начать.

Холли заставила себя собраться и улыбнулась Тео. Не так, как когда-то. Тогда у нее не было даже намека на инстинкт самосохранения. Она вляпалась – именно так – в любовь, как зверь в расставленный капкан, а ее наивность ничем не отличалась от глупости. Но за несколько одиноких лет Холли настолько отточила свою улыбку, что та позволила ей сыграть роль, возникшую на пепелище брака, который она сожгла своей ложью. Роль, которая, как она считала, легко позволит Тео умыть руки, дать ей развод и освободить их обоих.

Она ошиблась и в этом. В конце концов Холли болезненно взглянула правде в глаза: она ошибалась во всем и не сделала ничего нового, лишь повторила свое прошлое и причинила связанную с ним боль. Но разве Тео поверит ей, если она скажет ему об этом? Он решит, что это очередная ложь, старая игра по новым правилам, в которую – он ясно дал понять – он не вступит ни при каких условиях.

Поэтому у нее нет иного выбора, кроме как сыграть последний раунд, поставив на кон все.

– Ты занят? – спросила Холли, намеренно растягивая слова на техасский манер. – Чем именно? Все еще изображаешь наследного принца в королевстве своего отца?

Ярость, читавшаяся на лице Тео, сменилась потрясением, но это длилось недолго. В следующую секунду его лицо стало еще жестче, чем прежде.

– Прощу прощения? – Его голос был ледяным, однако подо льдом таилась угроза. – Я и не знал, что настало время запоздавшего разговора относительно недостатков наших характеров. Ты уверена, что готова к нему?

– Да ладно, Тео, – фыркнула Холли, отмахнувшись, словно от докучливого насекомого. Она жалела, что не может хотя бы чуть-чуть расслабиться, чтобы соответствовать взятому небрежному тону. Впрочем, главное, чтобы Тео ничего

не заподозрил. – Просто назови меня шлюхой. Мне кажется, ты порываешься сказать это вот уже почти четыре года.

Глава 2

Темные глаза Тео почернели от ярости. Так, наверное, должна выглядеть преисподняя. Холли поразила: он до сих пор способен добиться того, что дыхание у нее перехватывает. Причем даже тогда, когда он невысокого о ней мнения!

Такой идиотки, как она, еще свет не видывал. Благоразумная женщина, глядя на черное пламя гнева в его глазах, сделала бы все, чтобы разорвать нити, связывающие ее с этим мужчиной. А она ищет в них что-то, способное разбудить в ней искорку надежды на будущее, которое она сама и загубила.

Потому что ярость – не то же самое, что безразличие, убеждала себя Холли. Ярость означала, что Тео все еще испытывает к ней какие-то чувства, и не важно, что чувства эти не сулят счастья.

Впрочем, возражала себе она, благоразумная женщина не стала бы очертя голову вступать в брак с любовником-греком, увлекшим ее в водоворот страсти тем летом, укравшим ее невинность, ее сердце и весь здравый смысл – все скопом. Так что ни о каком благоразумии речи не было.

Может, стоит прекратить притворяться? С Тео это невозможно.

– Дай-ка я догадаюсь, – сказал он ровным голосом, и Холли отметила, как он изменился за эти годы. Тео, которого она знала, был импульсивным и способным на безумства. – Ты решила прикупить самолет? Остров? Дом мод и половину Парижа в придачу? Мне все равно, Холли. Трать свое денежное содержание как хочешь, но, черт побери, оставь меня в покое.

Его рука потянулась вперед, и она поняла, что связь сейчас оборвется.

– Я хочу тебя увидеть, – поспешила сказать она, пока он не исчез с экрана.

Его темные глаза прожгли ее лазерным лучом. Неожиданно он стал еще крупнее. Опаснее.

- Ты видишь меня прямо сейчас. Наблюдаешь достижения прогресса. И мою безудержную радость.

- Лично.

Тео хохотнул – скрипящий, как наждачная бумага, смех царапнул ее, хотя не должен был бы.

- Нет.

- Ах, прости, пожалуйста. – Холли снова улыбнулась, понимая, что это ее единственный шанс. Как бы она ни устала от этого, и как бы плохо ей ни было. – Я не прошу. Неужели это прозвучало как просьба?

- Это ничего не изменит, – обронил Тео почти лениво. – Ответ по-прежнему «нет».

- Тео. – Она покачала головой, словно он ее разочаровал. Сжатые кулаки она держала на коленях, чтобы их не было видно. – Почему бы нам не изобразить вежливость? Некоторые встречи необходимо проводить лицом к лицу. Ведь ты не хочешь, чтобы я сделала это по видеосвязи, или я не права?

- Не только мне, но почти всему миру уже и так ясно, что я не в состоянии заставить тебя сделать что бы то ни было, – ответил Тео обманчиво мягким голосом, от которого по ее спине прокатилась дрожь. Ей вдруг стало стыдно. – Ты уж точно ведешь себя не так, как следует вести себя жене. Ты даже не могла хранить мне верность в течение каких-то шести месяцев. Что уж говорить о сегодняшнем дне?

Холли даже бровью не повела.

- Я хочу развода, – четко и коротко произнесла она.

Если бы это было правдой...

– Мой ответ не изменился. Ты его не получишь. В этом причина устроенного тобой сегодня спектакля? Ты могла бы избавить от этого нас обоих. В будущем постарайся, пожалуйста, об этом не забывать.

– Все дело в том, что у нас осталось не так уж и много этого самого будущего, – заметила Холли, когда рука Тео снова потянулась к экрану. Его глаза сверкнули. Она призвала на помощь свою самую жесткую улыбку и сделала вид, что ситуация чрезвычайно ее забавляет. Словно она в самом деле является той женщиной, которую изображала четыре года. Именно такой ее считал Тео. – Мы развлекались все эти годы...

– Значит, вот как это называют в Техасе? – перебил ее Тео по-прежнему бархатным голосом. – Я бы не стал употреблять это слово для описания того, что происходило.

– Мы играли в разные игры, зарабатывали очки, в общем, занимались перетягиванием каната. – Она пожала плечами. – Но, боюсь, все хорошее рано или поздно заканчивается.

– Я не дам тебе развод, Холли. И мне плевать, к каким аргументам ты прибегнешь. Мне кажется, я дал понять абсолютно ясно, выплачивая щедрые ежемесячные пособия и не вмешиваясь в твою жизнь, что мне все равно, чем ты занимаешься. И с кем.

– Да, ты так говорил, – пропела Холли.

Но она ему не верила. Не могла заставить себя поверить. В глазах Тео зажегся дьявольский огонь, образуя вулканическую смесь с яростью, отчего сердце ее замерло, а затем неистово забилося.

– Единственное, чего ты от меня не получишь, – это свободу.

– Почему?

– Потому что именно это тебе нужно, *agari mou*, – любезно ответил Тео.

Он назвал ее «любовь моя»?

Впрочем, он, скорее всего, вложил в слова совершенно противоположный смысл.

- Не считая моих денег, разумеется, - добавил Тео.

- О боже, Тео, - протянула Холли, театральным жестом прижимая ладонь к груди. Это был лучший способ заглушить ощущение, что ее сердце вырвали и растоптали. Впрочем, ей следовало бы к этому привыкнуть, поскольку она первая поступила так же. - Ну и собственник же ты. Ладно, можешь по-прежнему владеть моим сердцем. Но я не могу преодолеть соблазн верить, что ты все еще испытываешь ко мне чувства.

- Лучше преодолей, - посоветовал, точнее, прорычал Тео. - Я сказал тебе об этом четыре года назад. Трать мои деньги. Ставь меня в идиотское положение. Ты получишь все, кроме развода. Это не обсуждается. Если я должен нести этот брак, как крест, почему ты не должна?

- Разве что у тебя заканчивается время. - Холли пожала плечами, заметив, каким острым стал его взгляд. - Таков греческий закон, Тео. - Она устроила целый спектакль, взяв газету со стола, найдя текст и прочитав то, что выучила наизусть. - Развод гарантирован в случаях, ведущих к распаду семьи. Если супруги проживают отдельно не менее четырех лет, почти с абсолютной уверенностью можно считать, что имеет место распад семьи, независимо от твоего желания мучить меня неопределенно долгое время.

- Мы не проживаем отдельно. Это ты ушла. - Тео окинул ее томным взглядом. Она почувствовала, как откликнулось ее тело. Словно это была ласка. Что с ней творится? - Ты всегда можешь ко мне вернуться, если ты смела до безрассудства. Или глупа. Разве я не говорил об этом?

Скорее, подначивал ее поднять перчатку. «Вернись и посмотри в лицо своим грехам, - так выразился Тео четыре года назад, и в его голосе звучало обещание неумолимой расплаты. - Кто знает? Может статься, я милосерднее, чем кажусь».

Но они оба знали, что к чему.

– Боюсь, все упирается в четыре года. – Холли не отводила глаз, напоминая себе, что это еще цветочки – ягодки будут впереди, если она добьется поставленной цели и они действительно встретятся лицом к лицу. Впрочем, если бы она с самого начала смогла преодолеть себя и открыть Тео свое сердце, а не бежать, как испуганный заяц, этой ситуации просто не было бы. – Мне всего лишь нужно доказать, что мы действительно жили отдельно все это время, а подтвердить это могут по меньшей мере три издания «желтой прессы». И совершенно не важно, что еще произошло между нами.

– Если ты готова потратить жизнь на то, чтобы убедить себя, что ты жертва, разумеется, я не смогу тебя остановить. Но в случаях, которые, надеюсь, будут редкими, когда ты захочешь обсудить наш брак, давай не будем говорить экивоками вроде «что еще произошло между нами». – Тео подался к экрану, его жесткое лицо вполне могло сойти за чеканку на монете. Голос был под стать. – Ты лгунья. Ты обманывала меня с самого начала, а потом, словно тебе этого было мало, ты легла в постель к другому, а затем, даже не покраснев, объявила мне об этом. После этого ты сбежала под покровом ночи, вместо того чтобы расхлебывать последствия содеянного, и с тех пор бездумно колесишь по миру и соришь моими деньгами направо и налево. Нет, ты не заслуживаешь даже того, чтобы я назвал тебя шлюхой. Эти несчастные женщины хотя бы честно зарабатывают деньги, продавая свое тело, тогда как ты не можешь похвастаться честностью. Я затрудняюсь сказать, кто ты, Холли, но одно для меня несомненно: я даже последнюю шлюху поставлю выше тебя. И ты продолжаешь унижать меня всеми доступными способами.

Холли продолжала улыбаться, хотя внутри съеживалась от одного убийственного удара за другим. Делая вид, что ее не трогает ни отвращение в голосе Тео, ни презрение, написанное на его лице. Убеждая себя, что надо терпеть, что это окупится, что нет смысла пытаться защитить себя, пока они не ведут разговор лицом к лицу. Пока она не убедится, что ничего не изменилось, что Тео для нее – по-прежнему яркая, ослепительная комета. Что он по-прежнему способен вызвать у нее безудержную, дикую радость одним своим взглядом, одним прикосновением. Она сбежала, опасаясь, как бы он не подчинил ее полностью себе, лишив воли, превратив в марионетку в его руках.

– Я приняла это к сведению, – спокойно сказала она, изумляясь про себя, что способна говорить невозмутимо после оскорблений, от которых должны гореть уши. Удивительно, что ее не начало трясти как в лихорадке или что она умудрилась не разлететься на мелкие кусочки. Впрочем, все это может

произойти и позже. Когда она снова останется одна, в своей унылой камере, в которую поместила себя сама. – Но ты меня не понял...

– Сомневаюсь, что это когда-либо было мне по силам, – не дал ей договорить Тео. – Зачем менять такое положение дел из-за одного звонка? Я заранее знал, что лучше на него не отвечать.

– Я подаю на развод, Тео, – продолжала Холли. – Я буду настаивать, что причиной развода стал наш разрыв. Более того, я буду утверждать, что именно ты нарушил клятву. – Она пожала плечами, услышав негромкое, но, несомненно, грязное ругательство на греческом. – Ты прославился тем, что в свое время уложил в постель чуть ли не половину женского населения Европы. А я была неопытной провинциалкой, более чем легкой добычей для такого ловеласа, как ты.

Тео с силой провел рукой по лицу.

– Ясно.

Холли не обратила внимания на его едкий тон.

– Выбор за тобой. Если ты встретишься со мной в назначенный мной день, я подумаю над тем, что бы не прибрать к рукам значительную долю акций «Цукатос шиппинг».

Холли думала, что уже видела его гнев. Но взгляд, которым наградил ее Тео, был подобен удару электрического тока. У нее зашевелились волосы. Она порадовалась тому, что находится в Далласе, в тысячах миль от него и от того, на что он способен.

Впрочем, в полной безопасности она себя не чувствовала даже здесь. Но расстояние хотя бы могло минимизировать ущерб.

Точнее, Холли надеялась на это.

– Так и быть, – наконец сказал Тео после долгой, томительной паузы. Холли потребовалась вся ее выдержка, чтобы сохранить непроницаемое выражение

лица и продолжать притворяться, хотя ее уже тошнило. – Значит, ты хочешь встретиться со мной лично. Что ж, я готов уступить твоей просьбе, но вынужден предупредить: ты представить не можешь, как эта встреча не понравится тебе.

– Не понравится так же, как четыре года оскорбительных телефонных разговоров относительно денег, напоминаний о том, в чьих руках находится поводок? Или как сегодняшний милый разговор о значении слова «шлюха»? – сухо поинтересовалась Холли. Ее невозмутимость дала трещину. Она чувствовала, как в ее собственных глазах разгорается огонь ярости. – Мне сложно в это поверить.

Во взгляде Тео что-то мелькнуло, а для Холли это было, как ощущение его пальцев на ее спине, словно она превратилась в добычу под когтистой лапой хищника. «Пользуйся любыми средствами, – решительно сказала она себе. – Либо ты найдешь путь, который приведет тебя обратно к нему, либо наконец освободишься от него и заживешь своей жизнью, какой бы унылой она ни была».

– Однако я оставляю за собой право выбрать место, – заявил Тео.

– Если при этом ты будешь чувствовать себя хозяином положения, то ради бога, – с намеренно снисходительным видом отозвалась Холли, исключительно потому, что знала, как сильно ему это не понравится.

– Барселона, – неожиданно мягким голосом произнес он. Что-то, должно быть, отразилось на ее лице. По блеску темных глаз Тео и нервно дернувшемуся губам она поняла, что он это заметил. Да, не одна она может бить в пах. – Через три дня. Отель «Чатсфилд». Полагаю, он тебе известен?

Тео мог бы об этом не спрашивать. Они провели в этом отеле самый лучший месяц их брака. Более того, для Холли – лучший месяц в ее жизни.

– Ты хочешь обсудить наш брак там, где мы провели медовый месяц? – спросила потрясенная женщина, моментально забыв о своей надуманной холодности. Она была выбита из колеи и перестала следить и за выражением лица, и за интонацией. Но ей на какой-то момент стало все равно. Это были самые прекрасные воспоминания о тех далеких днях, что они провели вместе. О днях, пронизанных настоящим счастьем. Холли продолжала цепляться за глупую мысль, что и Тео думает так же.

- Тео...

- Либо через три дня в Барселоне, либо никогда, - с удовлетворением повторил он и прервал связь.

Тео вошел в свои апартаменты в барселонском «Чатсфилде», следуя за предупреждающим все его желания коридорным. Хмурясь, он на ходу просматривал бесконечный поток сообщений и электронных писем в своем телефоне, и резко остановился только тогда, когда понял, где оказался.

Тео знал эти апартаменты. Он провел здесь целый месяц и помнил лучше, чем хотел бы, какое это было время.

Здесь осталось все так, как было: неброская роскошь мебелировки и сдержанная элегантность. Визитная карточка «Чатсфилда», известная во всем мире. Холл, являвший собой миниатюрную картинную галерею, вел к спальне, в которой царила широкая, зовущая к себе кровать. И гостиная, пол которой был усыпан лепестками роз, ничуть не изменилась.

Это было все равно что вернуться в прошлое. Тео охватило безумное чувство, которое он затруднялся определить, но которое едва не заставило его опуститься на колени.

Это невозможно забыть, понял он.

Но Холли виновата. Ничего из того, что она сделала - ни тогда, ни потом, - простить нельзя. Он был бы и рад простить, но - не может. Это сильнее его.

В такие моменты Тео нисколько не сомневался, что она - женская версия его собственного отца. Ей, как и Деметриусу, все равно, что она причиняет боль.

- Это номер для новобрачных? - обратился Тео к коридорному.

- Да, сэр, - вежливо ответил тот и пустился в подробное описание номера со всеми его романтическими деталями.

Однако речь, которая сначала лилась рекой, постепенно превратилась в слабую струйку, а затем иссякла, так как Тео молчал и смотрел на коридорного.

Бросив на ни в чем не повинного парня еще один взгляд, он снова принялся изучать номер. Тео долго смотрел на низкий столик возле арочных окон, в которые вливался свет вечерней Барселоны. На столике стояло серебряное ведерко со льдом, в котором охлаждалось шампанское. Тео не нужно было подходить к нему, чтобы удостовериться, что это то самое шампанское, которое ждало их с Холли четыре года назад. То самое, которым он облил ее, а затем слизал капли с ее тела. Перед его глазами отчетливо возникла эта сцена: вот он слизывает шампанское с ее груди, в ложбинке между ними, вниз по животу и в углублении пупка. Между ее кремовых бедер с влажным, жарким лоном, куда, как он считал, не было входа ни одному мужчине, кроме него.

Тео показалось, что не только Барселона, но и весь Пиренейский полуостров куда-то исчезли, оставив его наедине с воспоминаниями.

– Спасибо, – грубоватым голосом поблагодарил он коридорного и небрежно протянул ему банкноту.

Оставшись один, Тео, словно притягиваемый невидимой силой, подошел к столику и схватил записку, прислоненную к серебряному ведерку.

«Идеальное место для того, чтобы наконец дать ход нашему разводу». Почерк с завитушками был ему хорошо знаком. Он очень подходил неопытной непредсказуемой девушке, которую Холли изображала, когда они познакомились, и Тео охотно проглотил наживку.

Внизу был написан номер мобильного телефона, который врезался ему в память давным-давно, хотя он так ни разу и не позвонил по нему. Тео едва отдавал себе отчет в том, что набирает его сейчас. Послышались гудки, а затем раздался ее хриловатый голос. Он снова напомнил Тео о том, чем стал для них этот номер четыре года назад. Здесь невозможно было найти место, где бы он не овладевал Холли, не зная, где кончается он и начинается она. Главное, тогда Тео чувствовал себя цельным, словно нашел то, к чему стремился. Это наполняло его чистой радостью, без каких-либо примесей.

Здесь Тео поверил, что этими чувствами будет проникнута вся его дальнейшая жизнь.

Сейчас же у него возникло ощущение, что Холли вернула его прямым в тюрьму, выстроенную исключительно из его былых иллюзий. Более того, Тео не сомневался, что ей прекрасно об этом известно.

– Как тебе понравились твои апартаменты? – осведомилась она.

Он усмехнулся:

– Почему бы тебе не приехать? Ты должна лучше помнить, как здесь все выглядело, в частности, мебель, на которой ты лежала, так сказать, проводя личную оценку, – лениво протянул он, но в голосе его отчетливо слышалась ярость.

Холли лишь рассмеялась в ответ. Но это был не тот неповторимый смех, от которого у него появлялось ощущение, что он засунул пальцы в электрический щетпсель. Этот смех принадлежал Холли Цукатос. Он был более сдержанным и куда менее радостным, зато подходил для благотворительных вечеров и официальных мероприятий в строгой одежде. Однако даже этот смех резанул его, как нож.

– Какое милое приглашение, – проворковала она. – Но, пожалуй, я его не приму. Я внизу, в ресторане, если ты хочешь со мной поздороваться. После стольких-то лет! Так, небольшое вступление к нашему бракоразводному процессу. Разве мы не должны решить наши проблемы, как следует взрослым людям?

– На глазах у всех? – Тео понадобилась вся его выдержка, над которой он долго работал, чтобы не броситься к двери, словно его тянули за невидимую веревочку, оборвать которую было не в его власти. – Думаешь, это мудро?

Холли опять рассмеялась, и в этот раз смех был низкий, горловой. Его пальцы сжали телефон, а тело напряглось, потому что он слишком хорошо помнил этот смех. Он был для Тео как физическое прикосновение. Он напоминал о ее шаловливых пальчиках, ласкающих его. О том, как она обвивала его ногами, когда он подводил их к невидимой вершине, с которой они оба срывались в головокружительный полет, не помня себя. Да, тогда Холли смеялась точно так

же.

Что-то слишком хорошо он все помнит. Каждая вещь, на которую Тео бросал взгляд, служила напоминанием о том, как счастлив он был здесь.

– В наших отношениях не было ничего мудрого, Тео, – услышал он голос Холли и даже моргнул, потому что – он не ослышался? – ему почудилась в нем грусть.

Но, конечно, такого быть не может. Это всего лишь продукт нахлынувших воспоминаний и теплого испанского вечера, дыхание которого проникало в открытые окна, заставляя его принимать желаемое за действительное.

Тео не сразу понял, что Холли отключилась. Это подействовало на него как удар хлыста, заставив зашагать к двери раньше, чем включились мозги.

Отделанный золотом лифт бесшумно доставил Тео в лобби. Едва обратив внимание на сдержанную элегантность постояльцев отеля, на туристов, делавших фотографии мраморного пола, на зовущий к себе бар, он решительно направился к ресторану. Не стал Тео задерживаться и у столика метрдотеля. Он прошел мимо, сканируя зал.

И наконец увидел Холли.

Ноги его приросли к полу. Что было весьма кстати, потому что ему не помешает собраться с мыслями и не позволить зову тела заглушить голос здравого смысла, как это произошло в первый раз.

Стоило его взгляду упасть на нее, как он понял: она по-прежнему красавица. Этого Тео отрицать не мог, несмотря на пылавшую в нем ярость.

Одного взгляда на Холли для любого здорового мужчины было достаточно, чтобы переключить мысли с еды на утоление совсем иного голода. Она выглядела неотразимо в идеальном платье, отлично обрисовывающем ее бесподобную фигуру и в то же время придающем ей вид королевы – величественной, недостижимой, утонченной аристократки. Ее глаза были устремлены на улицу, поэтому она его не видела. Одна ее ладонь подпирала миленький узенький подбородок, другой рукой Холли сжимала ножку бокала с

вином. Стоило Тео заметить, что на пальцах этой руки она по-прежнему носит два кольца, которые он надел на нее, как кровь бешено застучала у него в висках.

Вид этих колец сразу напомнил ему – неумолимо, почти болезненно – о том солнечном дне на Санторини. Покинуть постель незнакомки в полдень тогда для него было вполне естественно. Тео не сразу направился на семейную виллу, чтобы отложить очередное нравоучение своего недовольного отца, чьим мнением он пренебрегал уже несколько лет, когда понял, каков на самом деле Деметриус. Тео поднялся на холм в свой любимый ресторан, дабы развеять воспоминания об очередной затянувшейся бурной ночи.

Там он и встретил Холли, с ее неповторимым смехом и чарующей невинностью, которая изменила весь ход его жизни.

Ее поза была точно такой же, как сейчас.

Тео приближался к ней, как хищник к пугливой добыче, потом остановился. Он заставил себя сделать глубокий вдох и начать думать. Все это – очередной спектакль, который Холли срежиссировала с одной целью: добиться своего, по-прежнему за его счет. Она выбрала столик у открытого окна, выходящего на оживленную улицу, и Тео подозревал, что все это неспроста, что таков ее план.

Должно быть, она считает, что так ей удастся контролировать ход встречи. Контролировать его.

Тео решил сыграть в игру, которую она ему навязала, но на своих условиях.

Он неслышной пружинистой походкой преодолел разделявшее их расстояние и бесшумно скользнул на стул напротив Холли. Он накрыл ладонью ее руку, которой она сжимала бокал, и, словно перенесшись в прошлое, притянул его к себе, прильнул губами к тому месту, где остался след ее губной помады. Затем Тео взглянул на нее.

Однако выражение ее голубых глаз расшифровать не сумел.

– Добрый вечер, Холли, – произнес он.

Холли моргнула, и Тео понял: она знала о том, что он вошел и смотрел на нее, но при этом намеренно смотрела в другую сторону. Он вытянул длинные ноги, и она сразу же отодвинула свои, словно знала, как и он, что от одного-единственного прикосновения вспыхнет искра и запылает пожар. Это подбавило масла в огонь его гнева. Решимость оставить последнее слово за собой только укрепилась.

– Ты неплохо выглядишь. Определенно мои деньги идут тебе на пользу. Это достаточно вежливое начало?

Глава 3

Холли мечтала об этом моменте тысячу раз. Если не больше. И это наконец произошло. Она изо всех сил старалась сохранить маску невозмутимости на лице. Или, если ей это не удастся, хотя бы спокойной вежливости. Что было не так-то просто, учитывая, что сердце ее отбивало какой-то бешеный ритм.

– Привет, Тео, – поздоровалась Холли, словно это не была их первая встреча лицом к лицу за четыре года. Словно тот факт, что она снова в Барселоне, в отеле «Чатсфилд», ничего для нее не значит. Словно она действительно стала тем человеком, которого изо всех сил изображала перед Тео, заставляя его в это поверить. «Еще чуть-чуть», – подбодрила себя Холли. – Хорошо долетел?

Об этом можно было и не спрашивать.

– Для чего содержать частный самолет с персоналом на борту, если полет на нем не доставляет мне удовольствия?

– Я, наверное, испытываю подобные чувства, когда прохаживаюсь по бутикам на Пятой авеню и Родео-Драйв, в полной мере пользуясь привилегиями твоей кредитной карты.

– Да, об этом мне напоминают астрономические счета.

Его лицо было по-прежнему притягательным – мужественное, четко очерченное и в то же время непередаваемо красивое. Неудивительно, что он обращал на себя внимание как женщин, так и мужчин. Но вряд ли кто-либо мог видеть беспощадность в его глазах. Только Холли, хотя Тео никогда не был с ней жестоким.

Конечно, секс – это несколько иное, но Холли не позволяла себе вспоминать о том последнем разе, сразу после ее «признания», когда он был ожесточенным, яростным и почти грубым...

– Это и есть светский разговор, Холли? – мягко спросил Тео, но ее не мог обмануть его тон. Она нутром чувствовала исходящую от него смертельную опасность. – Такие вещи меня, как и раньше, не интересуют. Я сказал тебе четыре года назад, о чем мы будем говорить, если ты осмелишься встретиться со мной лицом к лицу. Ты в самом деле хочешь начать этот разговор здесь?

– Что ты! Я не тешу себя иллюзией, что могу заставить тебя сделать что-либо против твоей воли, – ответила она, откидываясь на спинку стула, чтобы выглядеть расслабленной, хотя это было непросто. Вспомнить о том, для чего она здесь, тоже было сложно, поскольку Тео был слишком близко. Ее задача – разжечь в нем ненависть к ней. Сейчас это причинит боль, но в долгосрочной перспективе так безопаснее. Безопаснее, холоднее... и невыразимо пусто... – Я не забыла, как для тебя важно сохранять контроль над всем.

– Я полагаю, в том и есть смысл шарады, верно? – Тео поглаживал бокал, и эти движения невольно напоминали Холли о его ласках. Она была уверена, что он делает это намеренно. Что он точно знает, какие ощущения пробуждают в ее теле его длинные сильные пальцы, намеренно лениво поглаживая хрусталь. Всполохи огня... Пожар... – Номер для новобрачных, лепестки роз, устилающие путь назад, в прошлое, прямым в преисподнюю. Да, у тебя талант создавать искусственный ад. – Он пробуравил Холли взглядом: – Что тебе от меня нужно?

– Я уже сказала.

Ей стоило невероятного труда говорить беспечно. Тео сидел напротив нее, за маленьким столиком, и буквально подавлял исходящей от него силой и бьющей наповал мужественностью. Почему-то она об этом забыла. Такая близость делала Холли абсолютно беспомощной, словно ее опутывали волшебные чары.

Она становилась невольницей Тео. Она должна была уйти, потому что иначе перестала бы существовать, растворившись в нем навсегда. Холли воспринимала такую зависимость как черную, начавшую засасывать ее дыру. Точно такая же разрушительная любовь поглотила без остатка ее отца. Конец этой любви был у нее перед глазами.

Холли постаралась отбросить эти мысли.

– Развод.

– Ты его не получишь. И уж точно, не после этих бесподобных четырех лет. Не стоило возвращаться в Барселону, если ты хотела именно этого.

– Не важно, что мы находимся в одном городе, – возразила Холли и презрительно усмехнулась. – Мы будем жить в разных отелях.

Это удивило Тео. В его глазах что-то промелькнуло, а затем он полоснул ее огненным взглядом. Она порадовалась, что поступила мудро, приняв решение остановиться в роскошном отеле в Готическом квартале. Пожалуй, даже можно тешить себя надеждой, что ей неплохо удастся ему противостоять.

Похоже, она наконец чему-то научилась.

– Я повторю. Что ты хочешь? – отрывисто бросил Тео. В его взгляде горела неприкрытая ненависть. – Было очевидно, что тебе важно, чтобы эта встреча состоялась. Она состоялась. У тебя три секунды, чтобы сказать, что ты задумала.

– Или что?

Холли удалось произнести это с насмешкой, хотя такой Тео ей был незнаком, и она занервничала сильнее. В нем появилась какая-то новая грань. Сейчас Тео даже отдаленно не напоминал большую, вальяжно разлегшуюся кошку, щурящую глаза на солнце. Перед ней был взбешенный тигр, готовый к броску.

А может, она боится, что Тео ей не поверит?

Или что поверит...

– Что ты можешь мне сделать, чего уже не сделал? – оттягивая момент истины, спросила Холли.

– Отлично, – протянул он. – Мы приступили к обвинительной части. И так стремительно! Ты в самом деле собираешься взвалить на меня вину за что-то? – Он рассмеялся, но это был неприятный смех. По ее коже пробежали мурашки, внутренности свело от страха. – Должен признать, я с нетерпением жду представления. Прошу, Холли. Расскажи мне, как я тебя предал.

Холли не могла вздохнуть. Жаркий взгляд Тео был полон осуждения, рот искривился. Ей казалось, что он приковал ее к стулу силой своей ярости, и опасная слабость уже была готова завладеть женщиной. Еще немного – и она не выдержит, сломается... расколется...

Но она справилась.

– Я готова поговорить о нашем браке, – произнесла Холли, сделав над собой усилие, чтобы казаться спокойной. – А ты? Когда мы в последний раз затронули эту тему, ты только ревел и бил кулаком по стене.

После чего произошло то неистовство, безумство, подобное взрыву, а не обычный секс, но это Холли говорить не стала. Тео тоже промолчал. Но даже невысказанное, воспоминание продолжало висеть между ними – как прилетевшая из прошлого обжигающая искорка, как невидимое клеймо на их телах, когда они безраздельно принадлежали друг другу. Холли даже сейчас слышала треск его рубашки, которую она разорвала, чувствовала упругость его кожи под своими зубами и почти физически ощущала рвущиеся наружу беззвучные рыдания их душ. Затем Тео слился с ней – сильно, неумолимо. То была прощальная песнь любви...

– Прекрасно, давай обсудим наш брак. – Тео подался вперед. – Позволь мне подвести итог всему, что между нами было. Я боготворил тебя. Ты меня предала. Точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/keytlin-kryus/sogrey-moe-serdce>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)